

Чарская Лидия Алексеевна

Тяжелым путем

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Тяжелым путем / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 132 с.

ISBN 978-5-521-29827-3

ISBN 978-5-521-29827-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Что это, Марья, вы открываете? Куда же Даша дѣвалась?—морщась при видѣ ея неряшливой особы, спросилъ Андрей Аркадьевичъ.

— Ушла, баринъ, Даша... Проскандалили онѣ съ молодой барыней все утро. А послѣ собрала свой сундукъ и уѣхала. За пачпортъ обѣщалась уже зайти. Барыня и по сейчасъ внѣ себя лежатъ на диванѣ,—обстоятельно докладывала кухарка.

— Ахъ, ты, Господи—опять непріятности! Нетти нервничаетъ, она такая слабенькая, хрупкая, а прислуга такъ груба!—сорвалось смущенно съ губъ Андрея Аркадьевича и, наскоро сбросивъ пальто на руки встрѣтившей ихъ служанки, онъ прошелъ въ гостиную. Ія послѣдовала за нимъ. Уже съ порога прихожей молодую дѣвушку поразили стоны и вскрикиванія, несшіеся изъ сосѣдней комнаты.

Когда она вошла туда, то увидѣла нарядно, совсѣмъ не по домашнему, одѣтую молодую даму, лежавшую на кушеткѣ съ лицомъ полуприкрытымъ носовымъ платкомъ, который она держала у глазъ. Черные волосы молодой женщины, выбившіеся изъ прически, беспорядочными прядями сбѣгали вдоль спины. Прерываемымъ слезами и всхлипываніемъ голосомъ она кричала:

— Это невозможно!.. это несносно!.. я не хочу такой жизни!.. Я не потерплю ея! Она погубить меня!.. Мое здоровье!.. Мои нервы... Каждая служанка, каждая ничтожная дѣвчонка смѣетъ грубить мнѣ, урожденной княжнѣ Вадберской! Да я за это на нее въ судъ подамъ... въ тюрьму ее посажу! Я не прощу ей—этой негодной Дашкѣ того, что она осмѣлилась наговорить мнѣ!..

И снова взрывъ рыданій огласилъ комнату.

Сидѣвшая около изступленно плачущей молоденькой

особы пожилая дама, въ которой Ія съ перваго же взгляда узнала княгиню Констанцію Ивановну съ ея прекраснымъ южнаго типа лицомъ и рѣзкими манерами итальянки-простолюдинки, старалась всѣми силами успокоить расхюдившуюся дочь:

— Полно, не плачь, Нетти... Нечего глаза по пустякамъ портить... И платью напрасно мнешь... Эка—невидалъ, подумаешь,—съ горничной посчитались... Всюду это случиться можетъ... Въ каждой семьѣ! перестань же плакать! Вотъ и Андрей пришелъ и не одинъ!.. Создатель мой! Дѣва Марія! Да вѣдь это она, красоточка-Ія! Дитя мое, я узнала васъ сейчасъ же, даромъ что вы ужасно похудѣли да поблѣднѣли!

Тутъ княгиня стремительно и шумно поднялась съ мѣста и съ протянутыми руками устремилась навстрѣчу Іи.

Въ ту же минуту оборвались слезы и стоны Нетти. Она отняла мокрый платокъ отъ распухшаго лица и стремительно приподнялась съ кушетки.

Ея нарядное платье смялось, изысканная прическа растрепалась, красивое, какъ двѣ капли воды похожее на лицо матери, личико измѣнилось и подурнѣло отъ портившаго его выраженія гнѣва.

— André, André,—зашептала она, подзывая къ себѣ мужа и съ укоромъ глядя въ его смущенное лицо,—какъ могъ ты меня оставить! Какъ могъ ты уѣхать на цѣлый день! Богъ знаетъ, что за ужасъ тутъ происходилъ безъ тебя! Эта дерзкая грубіянка осмѣлилась наговорить мнѣ Богъ вѣсть что! Надерзила и ушла... А мы тутъ оставайся и нянчай твоихъ прелестныхъ племянничковъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать на раутъ къ баронессѣ Иксюль. И куда ты пропалъ съ утра? Гдѣ ты былъ до поздняго ве-

вчера? почти до семи часовъ? Какъ тебѣ не жаль было оставить меня одну?—потокѣмъ вопросовъ посыпалось на Андрея Аркадьевича и черные глаза Нетти снова наполнились слезами..

— Дѣточка, успокойся, не плачь ради Бога. Я безъ вины виновать передъ тобою,—горячо цѣлуя маленькія выхоленные ручки жены, проговорилъ Баслановъ,—ты же знаешь, я никогда не оставлю тебя безъ нужды. Утро я провелъ въ Академіи, потомъ былъ въ больницѣ, взялъ оттуда сестру и отвезъ ее въ пансіонъ, а потомъ заѣзжалъ къ американцу Томсону, условиться о покупкѣ картины, затѣмъ снова заѣхалъ за Іею въ пансіонъ...

— Противныя картины, онѣ только разлучаютъ насъ съ тобою!—не слушая мужа и надувая губки, произнесла Нетти.

— Дѣточка, эти противныя картины кормятъ насъ,—осторожно напомнилъ Андрей.

— Очень это нужно! У папы есть пенсія. Намъ бы на всѣхъ хватило!

Андрей Аркадьевичъ въ отвѣтъ на эти слова покачалъ головой.

— Ты же знаешь мой взглядъ на такіе вопросы, Нетти,—серьезно проговорилъ онъ,—да и не время говорить объ этомъ. Займись лучше Іею, она такъ спѣшила къ намъ возобновить знакомство съ тобою.

— А, Ія, здравствуйте! Очень рада васъ видѣть!—заученнымъ тономъ свѣтской женщины, произнесла Нетти, протягивая руку золовкѣ. Та приблизилась къ ней и увидѣла передъ собою официально улыбающееся ей лицо и чужіе, далекіе родственнаго чувства глаза молодой женщины.

Что-то кольнуло въ сердце дѣвушки.

Предчувствіе сказало ей, что врядъ ли она сойдется когда-либо съ этой пустышкой и безсодержательной Нетти. Но, желая сдѣлать пріятное Андрею, Ія ласково, по родственному обняла невѣстку и поцѣловала ее горячую отъ недавнихъ слезъ щеку.

— Я очень рада увидѣть васъ снова, милая Нетти, и помочь вамъ въ воспитаніи вашихъ маленькихъ племянниковъ, — проговорила она, пожимая руку молодой женщинѣ.

— Ну, не знаю, повторите ли вы мнѣ это, когда познакомитесь съ «моими маленькими племянниками», — загадочно подчеркивая послѣднія слова, произнесла Нетти, и, снова обращаясь къ мужу, быстро-быстро заговорила, сопровождая свои слова рѣзкими, экспансивными жестами:

— Вотъ именно изъ-за нихъ-то весь сыръ-боръ и загорѣлся! Ты не можешь себѣ вообразить André, какъ они извели меня сегодня на урокъ!.. Представьте себѣ, Ія, я ради скуки стала заниматься съ этими милыми дѣточками по научнымъ предметамъ и они меня окончательно вывели изъ себя... такъ что я даже хотѣла ихъ высѣчь.

— Нетти! Нетти! — вырвалось почти съ ужасомъ у Андрея, въ то время какъ Ія до боли закусила губы, чтобы не дать вырваться по адресу молодой женщины потоку негодованія, вызванному словами послѣдней.

— Ну, такъ что же изъ этого? — задорно бросила мужу Нетти, — ну да, хотѣла ихъ высѣчь обоихъ... такъ они были несносны! А эта грубая Дашка налетѣла на меня какъ курица-наседка и стала кричать, что часа не останется больше тамъ, гдѣ пускаютъ въ ходъ розги... и что она Зинаидѣ Юрьевнѣ пожалуется на меня и что здѣсь притѣсняютъ дѣтей и Богъ знаетъ что еще нагово-

рила, что и извергъ-то я, и безсердечная, и чуть ли не палачъ. Словомъ, довела меня до слезъ... а сама ушла... и все изъ-за этихъ чудесныхъ дѣточекъ...—Кстати, пойдѣмъ къ нимъ, Ія, я хочу познакомить васъ съ отчаяннѣйшею въ мірѣ породою маленькихъ людей, отъ которыхъ нѣтъ никому ни минуты покоя въ домѣ,—сверкая все еще торѣвшими гнѣвомъ и негодованіемъ глазами, заключила Нетти.

Андрей Аркадьевичъ съ укоромъ взглянулъ на жену. Потомъ перевелъ глаза на Ію и снова обратился къ Нетти.

— Напрасно ты запугиваешь преждевременно сестру, дѣточка,—обратился онъ къ Нетти,—Жура и Надя далеко не дурныя дѣти. Правда, ихъ жизнь до сихъ поръ протекла на свободѣ, о нихъ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, некому было заботиться и манеры ихъ, можетъ быть, оставляютъ желать лучшаго, но, въ сущности, они—добрые, славные дѣти и...

— Добрые? Славные? Нѣтъ, это мнѣ нравится!—неожиданно прервала мужа сердитымъ голосомъ Нетти, и ея южныя глаза засверкали цѣлымъ фейерверкомъ негодованья.

— Нѣтъ, милая Ія, я больше слова не скажу объ этихъ прелестныхъ дѣточкахъ... Вы сами увидите ихъ и поймете, права я или нѣтъ. А André къ нимъ слишкомъ пристрастенъ. Идемъ же, идемъ къ нимъ!

И, схвативъ Ію за руку, Нетти потащила ее изъ гостиной...

Княгиня поспѣшила за ними.

— Возьмите и меня съ собою. И я хочу присутствовать при первомъ знакомствѣ Іи съ этими ангелочками,—смѣясь, закричала она.

Изъ гостиной, большой комнаты въ три окна, со ста-

рыми запачканными во многихъ углахъ обоями, обставленной, очевидно, на скорую руку самой разнокалиберной мебелью, Ія съ обѣими хозяйками прошла въ столовую.

Здѣсь, посреди комнаты стоялъ неубранный столъ съ остатками отъ обѣда на беспорядочно разставленныхъ тарелкахъ, и съ корками хлѣба, разбросанными по весьма сомнительной чистоты скатерти.

Изъ столовой всѣ трое прошли въ длинный темный коридоръ. Его дальній конецъ упирался въ лѣстницу.

— Поднимемся къ нимъ. Дѣтская находится наверху, — предложила Нетти.

По шаткимъ, скрипучимъ ступенямъ, Ія вмѣстѣ съ хозяйками дома прошла во второй этажъ. Три двери таинственно бѣлѣли въ верхнемъ тоже совершенно темномъ переходѣ.

— Тамъ кабинетъ раръ, — указывая рукою на правую, говорила Нетти, — раръ пишетъ свои мемуары о Турецкой войнѣ и любитъ тишину и уединеніе; тамъ шкапная и комната для прислуги, — указала она на противоположную стѣну, — а это ваша обитель!

И при этихъ словахъ молодая женщина порывисто распахнула среднюю дверь.

При ихъ появленіи на порогѣ комнаты что-то быстро шарахнулось въ сторону. Ія успѣла разглядѣть только кусокъ необычайно яркой смѣси розоваго съ зеленымъ и голубымъ. И это розово-зелено-голубое забилося между комодомъ и рукомойникомъ, находившимся въ дальнемъ углу дѣтской, небольшой комнаты, заставленной тремя кроватями и убогой сборной мебелью.

Въ тотъ же мигъ взглядъ Іи встрѣтился съ прелестными ясными, какъ небо голубыми, дѣтскими глазенками, въ упоръ устремленными на нее.

— Жура, подойди сюда... А гдѣ Надя?—обратилась Нетти къ голубымъ глазкамъ.

Маленькій голубоглазый мальчикъ лѣтъ девяти, съ длинными, какъ у дѣвочки, локонами, выщипавъ плечамъ, выступилъ впередъ, для чего-то прикрывая рукою лѣвое колѣно.

— А Надя гдѣ? Изволь отвѣчать!

Глаза Нетти сердито сверкнули. Но мальчикъ, повидимому, ничуть не испугался гнѣва своей молоденькой тетки.

— Надя сейчасъ придетъ,—отвѣчалъ мелодичный голосокъ въ то время, какъ голубые глазенки безъ тѣни смущенья съ любопытствомъ разглядывали Ю.

— Вотъ рекомендую нашего сорви-голову. Его зовутъ Журой, Евгениемъ. Совѣтую быть съ нимъ поосторожнее, да и съ его сестрицей тоже. Изъ рукъ вонъ какіе оба прсказники и упрямцы,—слегка подталкивая мальчика къ Ии, проговорила княгиня Констанція Ивановна.

Молодая дѣвушка протянула руку ребенку. Тотъ подалъ свою, которой только что довольно удачно прикрывалъ огромную дыру на чулокѣ, какъ разъ на колѣнѣ.

— Ахъ, Создатель мой, опять разорвалъ чулокъ, это возмутительно!—сердито крикнула Нетти, съ силой державъ мальчика за руку, такъ что вся его миниатюрная фигурка пошатнулась, какъ шатается молодое деревцо подъ напоромъ вѣтра, и, экспансивно жестикулируя, заговорила:

— Вы не повѣрите, Ія, сколько съ ними заботъ и хлопотъ! Все на нихъ горитъ, какъ въ огнѣ, прислуга не успѣваетъ штопать и чинить за ними. Однихъ сапогъ сколько перенашиваютъ, если бы вы знали. Никакихъ силъ съ ними нѣтъ. На нихъ не напасешься. Вотъ ужъ

сказать по правдѣ, послалъ раръ такую обузу Господь!— И Нетти, говоря это, съ откровенной злобою поглядывала на мальчика. Тотъ отвѣчалъ ей далеко не доброжелательнымъ взглядомъ, глядя изъ подлобья своими чудесными, но совсѣмъ не кроткими голубыми глазенками.

Вдругъ легкій шорохъ слышался въ углу. Шорохъ и какъ будто шелестъ шелкового платья. Всѣ невольно посмотрѣли въ ту сторону, откуда доносился шумъ.

— Боже мой, Надя! Зачѣмъ ты залѣзла туда?

Въ два прыжка Нетти очутилась у комода, протянула руку въ отверстіе, образовавшееся между нимъ и умывальникомъ, и извлекла оттуда довольно необычайную фігурку.

Если бы въ нашъ вѣкъ были чудеса, Ія приняла бы непременно за чудо зрѣлище, открывшееся ей глазамъ: она увидѣла второго мальчика Журу или вѣрнѣе точную копию Журы, одѣтую, однако, довольно своеобразно: длинная розовая, шелковая, стариннаго покроя юбка, въ которой путалась миниатюрная фігурка ребенка, окружала ее. Зеленый, въ видѣ кафтана, лифъ сидѣлъ мѣшкомъ на хрупкихъ дѣтскихъ плечахъ, и голубой шарфъ широко опоясывалъ узенькую, какъ у куклы, талію. Пепельные локоны, приподнятые кверху и зачесанные въ высокую вычурную прическу, увѣнчивались небольшимъ дамскимъ чешчикомъ, какіе носились при нашихъ бабушкахъ во дни ихъ юности нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Миниатюрная хрупкая фігура ребенка совсѣмъ утонула въ этомъ странномъ допотопномъ нарядѣ. А худенькое, блѣдное съ голубыми жилками на вискахъ и лбу личико, озаренное парю такихъ же прекрасныхъ голубыхъ глазъ, какъ у Журы, выглядѣло такъ забавно

